

Viktorija Makarova – humanitarinių mokslų daktarė, Vilniaus universiteto Užsienio kalbų instituto Romanų kalbų katedros docentė; Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto Sociokultūrinių tyrimų centro mokslo darbuotoja.

Moksliniai interesai: politinė lingvistika, kognityvinė lingvistika, retorika.

El. paštas: makarovavv@gmail.com.

Viktorija Makarova: Ph. D. in Humanities, Assoc. prof. of the Department of Romance Languages, Institute of Foreign Languages, Vilnius University; Researcher of Sociocultural Research Centre, Kaunas Faculty of Humanities, Vilnius University.

Research interests: political linguistics, cognitive linguistics, rhetoric.

E-mail: makarovavv@gmail.com.

Викторія Макарова

Вильнюсский университет

ЛИТОВСКОЕ СЛОВО *PRIEŠAS* И РУССКОЕ СЛОВО *ВРАГ*

Anotacija

Straipsnyje yra pateikiami lietuvių kultūros koncepto *priešas* ir rusų kultūros koncepto *враг* lyginamosios analizės rezultatai, remiantis 100 pavyzdžių iš publicistikos diskurso (iš lietuvių kalbos ir rusų kalbos tekstynų). Lyginimas vyko pagal *tertium comparationis*: kas yra vadinamas priešū; kokie požymiai yra būdingi priešui; kokius veiksmus atlieka priešas ir t. t. Analizė parodė, kad lietuvių pasaulėvaizdyje tas pats subjektas gali tapti ir draugu, ir priešū; tarp pavyzdžių rusų kalba panašios prasmės pasakymų nebuvo rasta. Rusų diskurse priešais gali vadintis *Didžioji Britanija, Vokietija, vokiečiai*, lietuvių diskurse – *lenkų puolančios grupuotės, bolševikai*. Lietuvių publicistikos diskurse 56 kartus dažniau negu rusų publicistikoje yra vartojamas žodis *priešas*.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: konceptas, tekstynas, priešas, враг, pasaulėvaizdis.

Abstract

The article presents Lithuanian culture concept *priešas* and the concept of Russian culture *враг* comparative analysis, based on 100 samples of mass-media's discourse (in Lithuanian language and Russian language corpus). Comparison was performed via *tertium comparationis*: what is known as an enemy, what signs of the enemy are essential, what does enemy do, etc. Analysis showed that in Lithuanian vision the same entity can be both friend and enemy; Russian examples of similar meaning have not been found. The examples of an enemy in Russian discourse may be *Great Britain, Germany, German*, in Lithuanian dis-

course – *Polish attacking groups, bolshevik*. Lithuanian mass-media's discourse 56 times more often uses word *enemy* than the Russian mass-media's discourse.

KEY WORDS: concept, corpus, *priešas*, *враг*, worldview.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15181/rh.v0i16.1020>

Название данной статьи является аллюзией на заголовок Анны Вежбицкой: «Английское слово “truth” и русское слово “истина”». Так называется одна из частей ее статьи «Русские культурные скрипты и их отражение в языке» (2002). Апелляция к данному труду обусловлена тем, что мы в решении поставленной задачи следовали методике исследования языковых проблем в духе А. Вежбицкой, в частности – принципу адекватности лингвистических доводов (Вежбицкая 2002). Целью исследования являлось, во-первых, сравнение содержательного наполнения ключевых слов «враг» и „*priešas*“. Как писала А. Вежбицкая, «дело не в том, как “доказать”, является ли то или иное слово одним из ключевых слов культуры, а в том, чтобы, предприняв тщательное исследование какой-то части таких слов, быть в состоянии сказать о данной культуре что-то существенное и нетривиальное» (Вежбицкая 1999). Таким образом (во-вторых), нас интересовало обнаружение каких-то существенных отличий между русским и литовским менталитетами сквозь призму слов «враг» и „*priešas*“

Фактически анализировались концепты «враг» и „*priešas*“, а не просто соответствующие лексемы, ибо под концептом мы понимаем «ментальное образование, несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» (Попова, Стернин 2007, 24). Нас интересовала именно интерпретация общественным сознанием понятий «враг» и „*priešas*“.

Материалом для исследования послужили данные из «Национального корпуса русского языка» (<http://www.ruscorpora.ru/>) и „*Lietuvių kalbos tekstynas*“ (<http://donelaitis.vdu.lt/tekstynas>). Для анализа мы выбрали примеры из газетного дискурса (в русском корпусе) и текстов, маркированных как „*publicistika*“ (в литовском корпусе). Поиск был осуществлен по начальной форме слов: *враг* (в русском корпусе) и *priešas*

(в литовском корпусе). Было проанализировано по 100 первых примеров из каждого из двух корпусов.

Для начала рассмотрим, играют ли интересующие нас слова ключевую роль в русской и литовской культурах. Доказательством того, что данные понятия важны в культуре, служит положительный ответ на вопрос, слагают ли о врагах песни русские и литовцы, осмысляют ли тему вражды в пословицах и фразеологизмах. Действительно, песни поются: *Враги сожгли родную хату; Врагу не сдается наш гордый «Варяг»; Враг навсегда остается врагом* (Н. Полева); *Netikėk, ką priešai suoks* (“Rondo”); *Nematomas priešas* (“Skamp”); *Mylėk savo priešą* (G. Jonušaitė). Очевидно, что рассматриваемые нами концепты важны как для русской, так и для литовской культур, т.к. идиомы со словами враг и *priešas* в большом количестве встречаются и в русской, и литовской речи: *враг народа; (неугомонный) не дремлет враг; язык мой враг мой; priešas prie (už) vartų; “liaudies (tautos) priešas”; draugui rodyk širdį, priešui kaktą*. Сравнение ряда пословиц и поговорок уже позволяет выявить одно из отличий русской и литовской культур: из пословиц и поговорок на литовском языке следует, что **для литовцев врагом иногда может обернуться друг или родственник**: *Ko neturi žinoti tavo priešas, nesakyk ir draugui; skolindamas – draugas, atiduodamas – priešas; giminė giminei priešas; draugas gali padaryti tai, ko nesugebės padaryti priešas*.

Лингвистами вопрос о содержательном наполнении концептов «враг» и „*priešas*“ пока не исследован в достаточной мере. В источниках на русском языке часто цитируется работа Георга Зиммеля (1908), считающегося основоположником конфликтологии, например: «На мысль о том, что существует изначальная потребность во враждебности, часто наводит и невероятно легкая внушаемость враждебного настроения. В общем, среднему человеку гораздо труднее удастся внушить другому такому же доверие и склонность к некоему третьему, прежде ему безразличному, чем недоверие и отвращение» (Зиммель 1908). Также часто цитируется монография Андрея Фатеева (1999). В последние годы вышел ряд работ, так или иначе связанных с рассматриваемой нами в данной статье темой (например, Амиров 2009), защищаются диссертации (Хоруженко 2010, Похаленков 2011), в 2011 г. во Франции прошла конференция «Взглянуть в лицо

врагу: Образ врага в культуре, XIX–XX века» (см. Мильчина 2012), результатом которой явилась не только публикация докладов, но и то, что был дан толчок для новых исследований темы врага. В литовской науке концепт „*priešas*“ пока не исследовался.

Этимологические данные свидетельствуют о том, что русское слово *враг*, являясь заимствованием из старославянского языка, происходит от общеславянского корня **vogъ*. Тот же корень в иной форме встречается в других индоевропейских языках: др.-прус. *wargs* ‘злой’, готск. *wrikan* ‘преследовать’, лат. *urgere* ‘угнетать, гнать’ (Шанский, Боброва 2004). Литовское слово *priešas* образовано от предлога *prieš* (рус. ‘против’) (Smoczyński 1982, 232). В этимологическом аспекте сравнения слов *враг* и *priešas* мы бы выделили такое отличие: **в русском слове *враг* присутствует семантика отрицательных черт противника, в литовском слове *priešas* четче проступает семантика противопоставления субъектов.**

Данные толковых словарей выделяют сходные значения сравниваемых нами слов. В словаре русского языка выделяются следующие значения слова *враг*: 1. Тот, кто находится в состоянии вражды, борьбы с кем-л.; противник. *Идейный в.* ... 2. Военный противник, неприятель. *В тылу врага.* ... 3. Принципиальный противник чего-л. *В куражии.* ... 4. О том, что приносит вред, зло. *Косность – в. прогресса.* ... 5. *Разг.* Дьявол, черт. *В. попутал.* ... (БТСРЯ 2009).

В словарной статье „*priešas*“ редакторами словаря литовского языка выделены практически те же значения, только расположены они несколько в ином порядке: 1. *kas kovoja dėl priešingų interesų: Idėjinis p.* ... 2. *nedraugiškai nusiteikęs, linkintis kitam bloga žmogus: Po šio ginčo jie pasidarė ~ai.* 3. *šalis ir kariuomenė, su kuria kariaujama: P. buvo iš mūsų krašto išvytas.* ... 4. *kas kokio dalyko nemėgsta, nepripažįsta: Rūkymo p.* ... 5. *prk. visa, kas daro žalą, nemalonumą: Jo didžiausias p. degtinė* (DLKŽ 2011).

Далее сравним частотность исследуемых слов, воспользовавшись данными корпусов текстов. Соотношение частотности слов *priešas* и *враг* таково: 1 : 56. В иных цифрах: в текстах на литовском языке примерно каждое 1.756-ое слово – это слово *priešas*. В текстах на русском языке слово *враг* является примерно каждым 98.985-ым. Таким образом, видим, что **литовское слово *priešas* в 56 раз чаще востре-**

бовано говорящими на литовском языке, нежели субъектами русского дискурса. Однако количество в данном случае свидетельствует всего лишь о количестве, но не о качестве. Доказательством тому служит тот факт, что в арсенале говорящего на русском языке имеется целый ряд синонимов слова *враг*. Т.е. русский язык позволяет выразить смысл 'враг' множеством способов. Например, *недруг, неприятель, противник, супостат, антагонист, злоумышленник, недоброжелатель, ненавистник, лиходей, обидчик, преследователь, притеснитель, гонитель* (Абрамов 2002). Тогда как литовский язык предлагает слова *nedraugas* и *priešininkas*. Следовательно, **мы не можем утверждать, что в литовской культуре чаще говорят на тему врага. Но то, что в русском языке присутствует длинный ряд синонимов слова *враг*, мы действительно считаем знаковым отличием.**

Дальнейшее сравнение слов *priešas* и *враг* мы проводили на основе данных корпусов текстов. Для корректного сравнения мы использовали третье для сравнения – *tertium comparationis*, и им выступил искусственный конструкт из следующего перечня параметров:

- кто назван врагом в текстах на русском и литовском языках;
- кто, наоборот, не является врагом;
- о чем враге говорится;
- какие признаки приписываются врагу;
- каким образом говорящий идентифицирует врага;
- какие действия приписываются врагу как субъекту;
- какие действия совершаются с врагом как с объектом.

Ниже в статье мы говорим лишь о тех результатах сравнения, которые можно счесть «существенными и нетривиальными» (Вежбицкая 1999).

И в русском, и в литовском языке как *враг* / *priešas* могут омысляться элементы природы (*солнце, холестерин, холод, насекомые* / *lapsukis*), абстрактные сущности (*международный терроризм, невежество, пошлость* / *abejingumas, laukimas, terorizmas, biurokratija*), а также сущности, обладающие именем собственным. И тут наблюдается отличие: **в русской речи врагом может именоваться конкретный человек (Навальный, Троцкий, Шамиль)**, в литовской речи среди анализированных примеров не встретилось ни одного по-

добного случая. Врагами могут также именоваться целые страны и народы или их представители, а также идейные противники. Здесь тоже есть отличие: **если для русских врагом являются Великобритания, Германия, немец, то для литовцев *priešas* – это *lenku puolančios grupuotės* и *bolševikas***. Данный момент отчетливо характеризует геополитическую ориентацию культур России и Литвы.

Анализ примеров, отнесенных к категории «о чьем враге говорится», показал, что в данном аспекте, наоборот, говорящий на литовском языке может назвать субъектов поименно (*Izraelio tautos, Jėzaus, Billo Clintono, V. Landsbergio, ir NATO, ir Rusijos priešas*). Еще одно отличие носит количественный характер: в текстах на литовском языке примеров конструкции «враг / *priešas* + N_{gen}» встретилось ровно в 2 раза больше (а именно 18, например: *kapitalizmo, modernizmo, žydu, gamtos, nedarbo, mokyklinės fizikos, miesto mero, skyriaus priešas* и т.д.). Этот факт, возможно, свидетельствует о том, что **литовская культура не позволяет говорящему клеить ярлык врага ('X – это враг'), но дает возможность называть врага в более мягкой форме, каковой является конструкции 'враг X-а', и говорящие на литовском языке широко этой возможностью пользуются.**

Любопытные результаты дал анализ примеров из группы «способы идентификации врага». На русском языке – это всего один пример: враг – тот, кто не *оставляет следов*. В текстах на литовском языке *priešas* может быть определен по ряду признаков. Во-первых, *priešas karo metu – visa, kas juda ir yra be svastikos ženklų*. Данный пример примечателен тем, что невозможно вообразить себе текст на русском языке (разве что переводной), в котором бы врагом был назван некто, кто не носит свастику; наоборот: **для русского человека свастика соотносится только с ценностями вражеского полюса, но никак не дружественного и даже не нейтрального, в отличие от картины мира представителя литовского народа**. Во-вторых, встречается афоризм (*šiandien draugas – rytoj priešas*), который подтверждает ранее сделанные нами выводы о том, что **в сознании литовского народа один и тот же субъект может оказаться как другом (*draugas*), так и врагом (*priešas*).**

Анализ действий, которые совершает враг / *priešas* показал, что в русской речи чаще используется архаичная книжная лексика высоко-

го штиля: *не дремлет, отнять у вас веру и честь, посягнувший на его Родину, храбро и стойко обороняет, поразить*. **Взаимоотношения с врагом словно возведены в ранг сакральных действий**, судя по пафосу говорения о враге. Говорящий же на литовском языке часто в изъяснительном наклонении перечисляет известные ему факты о враге, словно натуралист говорит о повадках исследуемого класса животных; **литовец безоценочно описывает, как ведет себя враг** в определенных ситуациях. Например: *ieškos kitų kelių, neišdrįs užpulti mūsų šalies, pranašumą įgauna žvalgydamas, peržengė sieną, atsitraukė, verbiuos, pražirglios pro šalį nepastebėjęs, bando nukenk sminti* и т.д.

Анализ действий, которые совершаются по отношению к врагу, показал, что отношение к врагу в русской культуре более категорично: враг будет разбит, пока враг не будет сломлен, либо уничтожить его, либо взять в плен. Более того, говорящий на русском языке может не только поименно назвать, кого он считает врагом (об этом уже было сказано в статье выше), но и сказать собеседнику прямо в глаза, что он является для говорящего врагом. Приведем полностью две цитаты:

Просто посмотрите этот фильм, и если же в вашей голове созреет какое-нибудь осознание и выводы – это говорит о вашем культурном образовании, ежели нет – вы мой враг на век... [коллективный. Mr. Nobody. А вы сделали свой Выбор? (2010–2011)].

Очень долго мы не могли найти причин появления трещин, и однажды он так по-дружески говорит мне: «Иосиф, у тебя все равно ничего не получится, а потому признайся, что ты враг народа» [Владимир Губарев, Иосиф Фридляндер. Академик Иосиф Фридляндер: «трижды могли посадить...» // «Наука и жизнь», 2006].

То есть, **говорящий на русском языке обладает правом присваивать субъектам статус врага, руководствуясь собственными представлениями о добре и зле**.

Итак, результатом сравнения русской и литовской культур с точки зрения содержательного наполнения концептов *враг* и *priešas* стали следующие наблюдения:

- 1) в сознании литовского народа один и тот же субъект может оказаться как другом (*draugas*), так и врагом (*priešas*);

- 2) в русском слове *враг* присутствует семантика отрицательных черт противника, в литовском слове *priešas* четче проступает семантика противопоставления субъектов;
- 3) литовское слово *priešas* в 56 раз чаще востребовано говорящими на литовском языке, нежели субъектами русского дискурса;
- 4) в русском языке присутствует гораздо более длинный ряд синонимов слова *враг*;
- 5) в русской речи врагом может именоваться конкретный человек;
- 6) если для русских врагом являются *Великобритания, Германия, немец*, то для литовцев *priešas* – это *lenkų puolančios grupuotės* и *bolševikas*;
- 7) литовская культура не позволяет говорящему приклеивать ярлык врага ('X – это враг'), но дает возможность называть врага в более мягкой форме, каковой является конструкции 'враг X-а';
- 8) для русского человека свастика соотносится только с ценностями вражеского полюса, в отличие от картины мира представителя литовского народа;
- 9) взаимоотношения русского человека с врагом словно возведены в ранг сакральных действий;
- 10) литовец безоценочно описывает, как ведет себя враг;
- 11) отношение к врагу в русской культуре более категорично и безжалостно;
- 12) говорящий на русском языке обладает правом присваивать субъектам статус врага, руководствуясь собственными представлениями о добре и зле.

Напомним, что для анализа нами были избраны микроконтексты с лексемами *враг* и *priešas* в начальной форме. Исследование остальных словоформ, как нам представляется, позволит расширить и уточнить результаты этого исследования.

Литература

- Абрамов 2002 – Н. Абрамов. *Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений*. Печатная версия – Москва: Русские словари, 1999. Электронная версия – Грамота.ру, 2002.
- Амиров 2009 – В. М. Амиров. Образ врага в российском журналистском дискурсе разных войн. *Проблемы образования, науки и культуры*, № 1/2(62).

- Вежбицкая 1999 – А. Вежбицкая. *Семантические универсалии и описание языков*. Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. Москва: Языки русской культуры.
- Вежбицкая 2002 – Русские культурные скрипты и их отражение в языке. *Русский язык в научном освещении*, № 2 (4), 6–34.
- Зиммель 1908 – Г. Зиммель. 1908. *Человек как враг*. <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000080/>
- Мильчина 2012 – В. Мильчина. Международная конференция «Взглянуть в лицо врагу: Образ врага в культуре, XIX–XX века». Университет Париж–Запад, Нантер, 24–25 ноября 2011 г. НЛО, № 118. <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/118/m51-pr.html>
- Попова, Стернин 2007 – З. Д. Попова, И. А. Стернин. *Когнитивная лингвистика*. Москва: АСТ, Восток–Запад.
- Похаленков 2011 – О. Е. Похаленков. 2011. *Концепт «враг» в творчестве Эриха Марии Ремарка и советской «лейтенантской прозе» 1950–60-х гг.* Диссертация.
- Фатеев 1999 – А. В. Фатеев. 1999. *Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг.* Монография. Ин-т рос. истории РАН.
- Хоруженко 2010 – В. А. Хоруженко. *Концепты «война» и «враг» в современной русскоязычной публицистике*. Диссертация.
- Шанский, Боброва 2004 – Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. *Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов*. Москва: Дрофа.

С л о в а р и

- БТСРЯ 2009 – Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. Авт. ред. 2009 г.
- DLKŽ 2011 – Dabartinės lietuvių kalbos žodynas: 6 (3 elektroninis) leidimas. Kompaktinė plokštelė / redaktorių kolegija: S. Keinys (vyr. red.), L. Bilkis, J. Paulauskas, V. Vitkauskas. Vilnius: LKI, 2006; internetinė versija, 2011. <http://dz.lki.lt>
- Smoczyński 1982 – Lietuvių kalbos etimologinio žodyno duomenų bazė. <http://etimologija.baltexus.lt/?w=prie%C5%A1as>

Viktorija Makarova

LIETUVIŲ ŽODIS *PRIEŠAS* IR RUSŲ ŽODIS *ВРАГ*

Santrauka

Straipsnyje yra pateikiami lietuvių kultūros koncepto *priešas* ir rusų kultūros koncepto *враг* lyginamosios analizės rezultatai, remiantis 100 pavyzdžių iš publicistikos diskurso (iš lietuvių kalbos ir rusų kalbos tekstynų). Lyginimas vyko pagal autorės sukonstruotą *tertium comparationis*: kas yra vadinamas priešu tekstuose lietuvių ir rusų kalbomis; kas, atvirksčiai, nėra priešas, kalbančiojo nuomone; apie kieno priešą kalbama; kokie bruožai yra būdingi priešui; pagal kuriuos požymius kalbantysis identifi-

kuoja priešą; kokius veiksmus atlieka priešas; kokie veiksmai yra atliekami su priešu.

Analizės rezultatai leidžia teigti, kad:

1. Tas pats subjektas lietuvių tautos sąmonėje gali būti draugu ir virsti priešu; rusų kalba panašių pavyzdžių rasta nebuvo.
2. Rusų žodyje *враг* aiškiau pasireiškia negatyvių priešo bruožų semantika, lietuvių žodyje *priešas* aiškiau pasireiškia subjektų priešpriešos semantika.
3. Lietuvių žodis *priešas* vartojamas 56 kartus dažniau negu rusų *враг*.
4. Rusų kalboje turima gerokai daugiau žodžio *враг* sinonimų.
5. Rusų kultūros etiketas leidžia vadinti priešu konkretų žmogų.
6. Rusams priešai yra *Didžioji Britanija, Vokietija* ir *vokiečiai*, o lietuviams – *lenkų puolančios grupuotės* ir *bolševikai*.
7. Lietuvių kultūra neleidžia kalbančiajam kabinti priešo etiketės ('X yra priešas'), bet tai galima padaryti švelnesne forma, pvz., pasitelkiant konstrukciją 'X-o priešas'.
8. Rusų pasaulėvaizdyje svastikos ženklas gali priklausyti tik priešui, o lietuvių pasaulėvaizdyje – savam.
9. Rusų pasaulėvaizdyje tarpusavio santykiai su priešu turi sakralinių veiksmų bruožų.
10. Lietuvis gali apibūdinti priešo veiksmus neutraliai, be neigiamų konotacijų.
11. Rusų pasaulėvaizdyje su priešu yra elgiamasi radikaliau.
12. Kalbantysis rusų kalba turi teisę skirti subjektams priešo statusą, turėdamas omenyje savąjį gėrio ir blogio supratimą.

Analizei buvo pasirinkti pavyzdžiai su žodžių *priešas* / *враг* vardininko linksnio vienaskaitos forma. Kitų formų analizė leistų praplėsti tyrimą ir patikslinti šiame straipsnyje pateiktus rezultatus.